

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С51

Менеджер *М. Назаренко*
Аккаунт-менеджер *Н. Дмитриева*
Ответственный редактор *Е. Борисова*
Верстка *Р. Муртазин*
Обложка *В. Безкровный*

Смодов, Николай.

С51 Марабу и другие позвоночные / Николай Смодов. — Москва : Смодов Н., 2023. — 176 с.

Герои рассказов борются с ленью, комплексами, страдают от разочарования в жизни и людях. Они ищут помощи, но не могут справиться со своими недостатками. Не помогает ни цыганка, ни золотая рыбка, ни родная жена.

Эти рассказы одновременно и рассмешат вас, и покажут неутешительную картину беспомощности героев в большом жестоком мире.

Только у одного персонажа получится стать лучше и счастливее — ему поможет искренняя взаимная любовь. Может быть, и правда в этом мире нас спасёт только она?

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Смодов Николай

МАРАБУ И ДРУГИЕ ПОЗВОНОЧНЫЕ

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:

Liliya Butenko, Lizavetta / HYPERLINK "<http://shutterstock.com/>" Shutterstock.com
Используется по лицензии от HYPERLINK "<http://shutterstock.com/>" Shutterstock.com

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрүшү: «ЭКМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 18.05.2023.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24.

Тираж 1000 экз. Заказ

ISBN 978-5-600-03647-5

9 785600 036475 >

ISBN 978-5-600-03647-5

© Николай Смодов, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Содержание

Марабу	4
Загадка	34
Совесьть	52
Спираль	70
Закономерность	79
Эдик	98
«Кирпичи»-невидимки	129
Твои глаза...	142
Мечь	154

В конце июля на исходе двадцатого столетия Леонид Кузьмич, как обычно, проснулся в полвосьмого утра. Он всегда вставал в одно и то же время без будильника — как штык. Достал из-под подушки любимую мухобойку и пошёл в туалет, по пути оглядывая стены и двери: не сидит ли где сонная муха или, на худой конец, тощий комаришка. Под журчание ниспадающей, искрящейся в свете лампочки струи, старательно направляя её в самый центр, чтобы не летели брызги на стену, вспомнил дурацкий сон. Он стоит на коленях у свежерытой могилы на городском кладбище, а огромная муха с короной на голове бьёт его мухобойкой по макушке, приговаривая:

— Когда ж ты, злодей, насытишься нашей кровушкой!.. Ты, бессердечный урод, создавал нас, чтобы лишать жизни? Разве мы виноваты, что есть хотим? Мы не хуже, а лучше людей... Не убиваем, как вы, тварей божьих. Думаешь, не отомстим тебе, проклятый садист? Ещё как отомстим... Нашёл себе удовольствие — убивать. Подлый человечиска... Не убий!.. Не убий!.. Не убий!..

Леонид Кузьмич прикрывается руками, как может, от тяжёлых, болезненных ударов. Вокруг столпились крылатые подданные царицы, они кричат хором:

— Не место на земле злодею! Не место садисту на земле! Не место! Не место...

«Ну и ну! Какая только ерунда не приснится, — ухмыльнулся Леонид Кузьмич. — Мы не хуже, а лучше людей... Мы не убиваем, как вы... Ну и бред».

Зашёл на кухню, поставил чайник на плиту. Внимательно всё вокруг оглядел. На подоконнике в углу засохшая муха — хлопнул мухобойкой. Сдул оставшуюся пыль, открыл окно и, держа наготове орудие убийства, стал ждать, когда залетит какой-нибудь шальной летун. Но ни одного насекомого не было. «Чёрт, куда они подевались?» — подосадовал Леонид Кузьмич. Ежедневно до завтрака он отправлял на тот свет несколько, как он их называл, безмозглых тварей.

Его жена, Мария Степановна, всегда вставала минут на пять позже, чтобы не путаться у него под ногами. Вот и сейчас послышалось её шарканье в коридоре. Была она маленькой, худенькой и невыразительной, с жидкими русыми волосами. Работала, где и муж, в плановом отделе, простым экономистом. Некоторые злые на жизнь женщины называли её пигалицей, хотя она никого не унижала и не была высокомерна — в отличие от супруга. Дома Мария Степановна звала суженого на французский манер — Лео. Ему это нравилось. Про себя же беззлобно называла Чиканутиком за его шепучный характер. Иногда во время постельных утех и некоторое время спустя нежно шептала «Леончик-пупончик», перебирая густые волосы на его голове. Мария Степановна очень гордилась Лео: он большой начальник, у него сильный характер, все его боятся. А главное, он не гулял. Она по-своему любила его.

Леонид Кузьмич спрятался за кухонной дверью, чтобы испугать жену и взять саечку за испуг. От этого ритуала никуда. Мария Степановна давно уже не пугалась, только делала вид, что ей страшно. Когда она зашла на кухню, Леонид Кузьмич выскочил из засады и с криком «У-у-у!» замахнулся мухобойкой. Мария Степановна вскрикнула «Ай!», пригнула голову. До-

вольный Леонид Кузьмич засмеялся и взял у жены саечку за испуг, легонько поддев подбородок пальцем.

Мария Степановна принялась разогревать еду. Много еды. Хотя Леонид Кузьмич был маленьким и щупленьким, ел он очень много — но, несмотря на зверский аппетит, даже на миллиграмм не поправлялся. Видимо, обмен веществ был своеобразный. Наблюдая, как муж с удовольствием поглощает гречневую кашу со сливочным маслом, пирожки с капустой и мясом, да ещё и жареную картошку со свининой, она не смогла удержаться, чтобы не подумать, наверное, в миллионный раз: «Куда всё это влезает в Чиканутика?»

После завтрака Леонид Кузьмич стал просматривать деловые бумаги, соображая, что сегодня делать, кого казнить, а кого миловать. Встала дочь Наташа, пятнадцатилетняя маленькая, худенькая, невзрачная русоволосая девочка с грустными глазами. Леонид Кузьмич специально оторвался от бумаг, чтобы поприветствовать дочь. Подошёл к туалету. Когда она вышла, слегка шлёпнул мухобойкой по попе и весело пробасил:

— Здорово, корова! Привет от быка!

Наташа посмотрела на отца как на больного из дурдома и ничего не ответила.

Без двадцати девять Леонид Кузьмич с женой сели в служебный внедорожник «Тойоту Лэнд Крузер» и поехали на работу.

У малорослого, худощавого и узкоплечего Леонида Кузьмича была большая голова с низким, скошенным, как у неандертальца, лбом, маленькие круглые глазки с недобрым прищуром, чёрные, как смоль, зачёсанные назад волосы, большие и жёлтые, как у лошади,

наезжающие друг на друга зубы и огромный нос, занимающий чуть ли не треть лица.

Работал Леонид Кузьмич в большом производственном объединении на Севере, и не абы кем, а главным инженером. Не халам-балам, знаете ли. Второй человек на таком мощном производстве. Характер имел прескверный. Был грубым и невоспитанным, хотя, само собой разумеется, окончил высшее учебное заведение. Мало того, даже осилил промышленную академию. Из-за гадкого характера Леонида Кузьмича никогда не поставили бы на такую высокую должность, если б не одно важное обстоятельство: его другом был сам генеральный директор объединения. С детства они шагали по жизни рука об руку, но его товарищ — всегда чуть впереди. В школе друг был старшой, он — его помощником, в институте друга выбрали комсоргом, его — заместителем. Через семь лет после института товарищ работал главным инженером на одном небольшом заводе, он — главным механиком там же. Потом они попали в объединение и шли рядышком по служебной лестнице уже здесь. И не только по должности друг был на шаг впереди, но и во всём остальном: друг симпатичный и высокий — он низкорослый и плюгавый, у друга жена — статная красавица, у него маленькая и невзрачная. И дочери отличались. У кореша дочка хорошо училась и была милашкой, а у него, наоборот, и училась так себе, и внешность обыкновенная. Слава богу, не носатая, как отец. Если б не друг, Леонид Кузьмич так и прозябал бы где-нибудь на периферии рядовым инженером. А тот всячески заботился о нём и поддерживал на плаву. Но и сам товарищ был не один на белом свете. Говорили, у него мохнатая лапа в самом министерстве, что

в свои щенячьи тридцать семь без покровительства он никогда в жизни не стал бы генеральным директором такого огромного производственного объединения.

Хотя главному инженеру объединения было за сорок, он всё еще переживал по поводу своего маленького роста и хлипкого сложения. Чтобы казаться выше и мощнее, носил обувь на очень высоких каблуках и пиджаки на два размера больше — в любую жару, а для сокрытия каблуков надевал длинные брюки, низ которых собирал всю грязь с пола. Ходил, ссутулившись и приподняв плечи, походя на приבלатнённого. Чтобы не выглядеть карликом на фоне рослых посетителей, поставил в кабинете специальное чёрное кожаное кресло на длиннющих ножках, которое сделали по заказу на дочернем предприятии, выпускающем мебель. В этом кресле он чувствовал себя очень даже неплохо перед более высокими подчинёнными — они-то сидели на обычных стульях. А когда перед ним находились такие же недоростки, как и он сам, и вовсе балдел, взирая на них свысока.

Леонид Кузьмич много чего любил, но особенно обожал унижать людей, которые были выше него. Над теми, кто возвышался над ним на голову, он глумился более-менее по-божески, кто был выше на полторы-две кумекалки, тех унижал по полной программе, немилосердно и цинично, а кто имел несчастье обскакать его на два с половиной скворечника и больше, о тех и говорить нечего. Соответственно, и удовольствие всегда было разное. Если втапывал в грязь человека всего лишь на голову выше себя, и удовольствие было так себе. Когда унижал субъекта на полторы-две соображалки выше, радовался по-настоящему, до восторга, а измывался над мужиком выше на три голо-

вы и более — радость испытывал несказанную, даже иногда мочился в штаны от блаженства. К низкорослым же людям вроде себя Леонид Кузьмич относился благосклонно и почти не унижал их, к совсем маленьким — ниже себя — даже питал нежные чувства и не издевался вовсе.

Ещё Леонид Кузьмич очень любил шутить. Однако шутки его были довольно своеобразны. Главной забавой было пугать людей. Он неожиданно замахивался на человека рукой или делал движение ногой, как будто хотел ударить ему между ног, и, если тот пугался, брал у него саечку за испуг, то есть вставлял под подбородок испугавшемуся средний палец правой руки, остальные собирал в горсть и резко дёргал руку вверх, чтобы образовался щелчок. Если звук не получался или был слабым, шутник повторял процедуру, пока не щёлкало громко. Даже женщины не были застрахованы от этой его шутки, включая жену и дочь, правда, в облегчённом варианте: он всего лишь слегка проводил пальцем у них под подбородком. Было у Леонида Кузьмича и такое развлечение: незаметно подходил к подчинённому сзади и внешней стороной кончиков пальцев с силой по касательной бил по пятой точке. Человек испытывал жгучую боль, а Леониду Кузьмичу было хорошо и весело на душе.

Иногда он дурачился по-другому: вводил в заблуждение людей, обманывал их. Как-то подколот работника, пришедшего утром на приём, не отвечая на его приветствие, таким образом: «Ты что, Прокофьев, припёрся ко мне? У тебя ночью цех сгорел, а ты прохлаждаешься. Немедленно выезжай на пепелище и подсчитывай убытки». И бедный Прокофьев, бледный от пережитого ужаса, одной рукой хватаясь

за сердце, а другой роясь в кармане в попытке найти валидол, срывался с места и ехал на свой целёхонький объект. А над другим однажды подшутил вот так: «Как тебе не стыдно, Соловьёв! На тебя пришла бумага из медвытрезвителя. Просят наказать, дать строгака. Как так можно напиваться, я не понимаю. Вот здесь пишут. Он брал со стола бумажку и как будто читал: "...едва держался на ногах, мочился на тротуар, выражался нецензурной бранью, обливал милиционера..." Как это понимать, я тебя спрашиваю?» И потрясённый Соловьёв с широко открытыми ртом и глазами горячо оправдывался, уверяя начальника, что это форменная клевета, его не за того приняли: вчера вечером они с женой закатывали огурцы в банки.

В общем, все шутки Леонида Кузьмича были злые. В объединении никто не любил его за грубость и невоспитанность, стремление унижить, за жестокие шутки. За глаза называли его Марабу за скверный характер и длинноносость, хотя признавали, что он довольно сильный производственник. Он и впрямь был похож на эту большеголовую и носатую африканскую птицу, особенно в профиль.

Но больше всего на свете Марабу любил убивать мух. Гораздо сильнее, чем унижать людей, шутить злые шутки, кувырканье в кровати с женой и обжорство — всё, вместе взятое. Откуда взялась эта блажь, даже его мать не помнила. Вполне возможно, передалась по наследству от какого-то родственника-садиста. Марабу ненавидел мух лютой ненавистью, этих безмозглых тварей, рассадников заразы, совершенно не нужных природе существ. И был убеждён, что им не место на земле. Бил мух с малолетства, как только открыл свои маленькие круглые, уже тогда со злым

прищуром, глазки. Сначала пытался шлёпать их розовой младенческой ладошкой, иногда случайно попадая по ним, потом, когда подрос, бил мух резинкой от трусов; затем, по мере взросления, размазывал по стенкам газетой, а последние пятнадцать лет убивал исключительно мухобойкой. При этом испытывал ни с чем не сравнимое, необыкновенное, неземное наслаждение, как будто в блаженстве парил над землёй в тёплых лучах утреннего ласкового солнышка. За долгие годы Марабу перебил их великое множество — многие сотни тысяч, а может, даже и миллионы. Хлопал мух, где только можно: и дома, и на работе, и на улице, и в общественных местах, даже украдкой в министерстве, куда приезжал по делам. Иногда, под настроение, ловил мух рукой, привязывал к их тельцам тонкую длинную нитку и с удовольствием наблюдал за полётом, как авиамоделист наблюдает за своим самолётиком. Когда Марабу надоедало это занятие, он отрывал насекомым крылья и отпускал на все четыре стороны, с радостью думая, как они будут мучиться без воды и пищи и умирать медленной смертью. Поздней осенью, зимой и ранней весной, когда мух не было, Марабу разводил дома дрозофил, делая для них из варенья и дрожжей брагу. Мушки эти были такие малюсенькие, что ему приходилось надевать очки или использовать лупу, чтобы не промахнуться. Удовольствие от их битья было маленькое, как и сами мушки, но всё-таки с помощью дрозофил Марабу кое-как переживал трудные для себя времена. А когда пришла весна и на смену мухам-лилипутам прилетали мухи обычных размеров, радовался, как ребёнок, и неизменно пускал слезу от избытка чувств, убивая первую весеннюю шестиногую ласточку.

В мир иной Марабу отправлял мух самодельной мухобойкой, с которой никогда не расставался. Чтобы она умещалась во внутреннем кармане пиджака, сделал компактной. Ручка мухобойки была из раздвижной телескопической антенны, а бойка — из резины от велосипедной камеры. Свою красавицу Марабу очень любил, иногда до помутнения зрения от слёз. Холил её и лелеял, как самый главный и дорогой сердцу предмет в своей жизни, часто мыл и протирал специальной фланелевой тряпочкой, буквально сдувал с неё пылинки, поминутно любовался ею, приближая к глазам или отдаляя. Даже разговаривал с любимой хлопущей как с живым разумным существом и всегда спал с ней, кладя под подушку.

На людях он старался не проявлять эту странную страсть, хотя на работе, да и в городе все про неё знали и, смеясь, говорили избитую фразу: «Что взять с больного, кроме анализов...»

Изо дня в день, из года в год хлопал Марабу мух и искренне думал, что будет услаждаться убийством до последнего вздоха.

— Здорово, корова, привет от быка! — весело поздоровался он с симпатичной секретаршей Олей, когда приехал на работу, и прошёл в свой кабинет.

Остановился посередине, достал мухобойку и оглядел стены и мебель: не сидит ли где глупая муха. Кроме кабинета, в смежном помещении у него была комната отдыха с туалетом и душевой кабиной. Не обнаружив насекомых, Марабу зашёл в комнату отдыха, держа наготове мухобойку. Там стояли чёрный кожаный диван, холодильник, буфет, стол, несколько стульев и телевизор на полке, прикреплённой к стене у входа. Он внимательно осмотрел всё вокруг — мух нигде не

было. Накануне он оставил окна немного приоткрытыми, чтобы к его приходу насекомые налетели. Марабу всегда так делал летом. Он положил мухобойку на стол, достал из кармана брюк целлофановый пакет с котлетой и половинкой пирожка и разложил приманку на столе. Вчера к этому времени Марабу набил их довольно прилично, не считая комаров, а сегодня почему-то они не залетели.

«Странно, куда они подевались?» — недоумевал он, возвращаясь в кабинет.

Сел в кресло, разложил деловые бумаги, откинулся на спинку и стал в задумчивости хлопать мухобойкой по ладони.

Забот у главного инженера такого мощного объединения было более чем достаточно. Кроме дочерних предприятий и множества подразделений, он имел дело со всевозможными генподрядчиками, подрядчиками и субподрядчиками. Во все дела надо было вникать и хорошо в них разбираться. Ежедневно Марабу приходилось принимать немало посетителей и подписывать кучу всяких бумаг. То и дело, то там то сям случались происшествия, и он был вынужден выезжать на объекты, чтобы разбираться на месте, что да к чему. В общем, работёнка была не сахарная. Зато престижная. Марабу очень гордился, что занимает такую высокую должность, и считал себя далеко не последним человеком в городе. И действительно, он был известной личностью.

Довольно часто люди упоминали его прозвище в связи с очередной грубой или глупой выходкой. Однажды случилось так, что он оказался на окраине города без служебного автомобиля — тот сломался. Марабу голосовал, чтобы добраться до работы. Он

искренне полагал, что его, как известную и важную персону, все знают в лицо и немедленно довезут куда надо бесплатно. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то осмелится брать с него плату за проезд. Когда водитель попутки попросил расплатиться, возмущению Марабу не было предела. Он позеленел от злости и устроил парню такую взбучку, что мама не горюй. Наверное, до сих пор, бедный, не может без содрогания вспоминать об этом. Марабу кричал, как тот смеет требовать деньги за проезд у такой важной персоны, как он, что запишет номер его машины, узнает, где он работает и живёт, что сровняет его с землёй, сотрёт в порошок... В злобе не сдержался и стал бить мухобойкой по голове и лицу. Потом целый год город обсуждал этот случай и смеялся над Марабу.

Постучав в дверь, заглянула секретарша:

— К вам, Леонид Кузьмич, Никифоров..

Марабу махнул рукой, разрешая войти. Пришёл начальник отдела по транспорту. Поздоровался. Это был седой представительный мужчина предпенсионного возраста, чуть выше среднего роста. Петрову надо было срочно решить вопрос о поставке технологического оборудования. Марабу почти годился ему в сыновья. Он не поздоровался с Никифоровым, а стал, качая головой и осуждающе глядя на него, говорить:

— Захарыч, ты хоть знаешь, чем твой сын занимается?

— А что такое, Леонид Кузьмич? — насторожился Никифоров. Его сын работал ведущим инженером в отделе главного механика.

— Его омоновцы повязали за продажу наркоты. Он, обдолбанный, с утра у самого входа в объединение ко-

каином торговал. Мне только что начальник милиции звонил. Вот так-то, друг мой!

Никифоров в замешательстве внимательно посмотрел на Марабу, не нашёл в его глазах и намёка на шутку и заволновался.

— Не может быть, Леонид Кузьмич! Он даже не пьёт.

— Не пьёт, а кокаинчик нюхает. Не веришь — давай с начальником милиции соединю. — Марабу потянулся к телефону.

Видя, что Никифорову становится плохо — тот судорожно искал нитросорбид в кармане, — смягчился:

— Ну ладно тебе... Расквасился! Шуток не понимаешь?

И довольный, что хорошо разыграл человека — чуть до инфаркта не довёл, — быстро решил с ним все вопросы.

— К вам, Леонид Кузьмич, с процентовками, — общила Оля.

— Давай его сюда, — сказал Марабу таким тоном, будто речь шла о каком-то блюде.

Зашёл чернявый статный парень в белой рубашке, выше примерно на две головы. Поздоровался, представился и сказал, что принёс процентовку на подпись.

Марабу презрительно оглядел его с ног до головы. Сесть не пригласил. Пришедший был инженером подрядной организации. Все визы он собрал, осталась только подпись главного инженера объединения. Работал молодой человек недавно и не знал, что в начале рабочего дня у Марабу лучше не появляться: тот ещё не набил достаточно мух, чтобы быть в хорошем настроении. Стреляные воробьи ходили к нему с про-

центовками ближе к обеду или после, когда главный был уже относительно добрым от мушиной крови.

— Почему не застёгнут? — строго спросил Марабу.

Парень, покраснев, стал судорожно шарить рукой по ширинке, чтобы застегнуть молнию.

— Выйди из кабинета, застегни верхнюю пуговицу на рубашке, а потом снова зайди. Ты что, к бабе пришёл или в ресторан? Ты к главному инженеру объединения пришёл! Ходят тут всякие, как к себе домой!

Пришлось тому выйти в приёмную. Застегнув пуговицу, он, постучавшись, снова зашёл. Строго оглядев, Марабу велел подойти к столу, взял процентовку. Стал просматривать её. Итоговая сумма показалась слишком большой. Взглянул на парня и строго сказал:

— А ну-ка выпрями ногу и стой прямо! Чего ты тут понаписал? Откуда такие огромные суммы? Совсем ополоумел? Если будем выплачивать каждому встречному-поперечному такие деньги, по миру пойдём. Иди к главному механику, пусть он по СНИПам перепроверит обоснованность начислений.

Неопытный инженер взял процентовку и с извинениями вышел из кабинета. Марабу с минуту сидел неподвижно: блаженствовал, с улыбкой вспоминая, как отчихвостил сопляка, как тот стоял перед ним, вытянувшись в струнку. Потом подумал о мухах: наверное, уже налетели. Вытащил из кармана мухобойку, раздвинул её и, предвкушая удовольствие, поспешил в комнату отдыха. Ему не терпелось устроить кровавую баню этим безмозглым тварям. Он ворвался в помещение и стал зыркать по сторонам, но нигде мух не обнаружил. В растерянности, пожимая плечами от недоумения, Марабу стоял у стола и думал: «Странно,